

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОПЫТ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ

INTERNATIONAL EXPERIENCE OF PUBLIC ADMINISTRATION

DOI: 10.22363/2312-8313-2025-12-2-245-254

EDN: QOSDFE

Научная статья / Research article

Гибридные войны: современные вызовы и перспективы

М.Г. Бистрина , А.А. Иванников

Российский университет дружбы народов, Москва, Россия

 bistrina_mg@pfur.ru

Аннотация. Исследовано содержание термина «гибридная война». Отмечено, что этот феномен отличается высокой сложностью, динамичностью и многообразием используемых стратегий. Выявлены ключевые характеристики гибридных войн, среди которых особое внимание уделено их способности быстро адаптироваться к меняющимся условиям и специфике конкретных конфликтов. Цель исследования — выявить ключевые механизмы гибридных войн, проанализировать их воздействие на государственные институты и международные организации, а также рассмотреть наиболее значимые примеры XXI в. Исследование основано на комплексном подходе, включающем анализ официальных документов, докладов международных организаций, научных публикаций и материалов СМИ. Применены методы системного и сравнительного анализа, индукции, дедукции и обобщения. Выявлены основные черты гибридных войн, среди которых информационные атаки, экономическое давление, кибервоздействие и использование нерегулярных вооруженных формирований. Рассмотрены гражданская война в Сирии и кризис в Венесуэле. Показана роль международных институтов в регулировании подобных противостояний. Особое внимание уделено стратегиям ведущих государств в гибридных войнах, их влиянию на международную безопасность и трансформацию геополитического баланса. Подчеркнута несостоятельность традиционных механизмов урегулирования конфликтов перед новыми вызовами. Отмечена необходимость пересмотра международных норм и разработки адаптивных стратегий реагирования для защиты национальных интересов и обеспечения глобальной стабильности в условиях возрастающей роли гибридных войн как доминирующего инструмента геополитической конкуренции.

Ключевые слова: мягкая сила, санкции, цветная революция, Россия, США

Вклад авторов. Все авторы участвовали в разработке концепции исследования, сборе, обработке и анализе данных, написании текста рукописи, формулировке выводов.

© Бистрина М.Г., Иванников А.А., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Заявление о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

История статьи:

Поступила в редакцию 12.02.2025; принята к публикации 10.04.2025.

Для цитирования:

Бистрина М.Г., Иванников А.А. Гибридные войны: современные вызовы и перспективы // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Государственное и муниципальное управление. 2025. Т. 12. № 2. С. 245–254. <https://doi.org/10.22363/2312-8313-2025-12-2-245-254>

Hybrid wars: modern challenges and prospects

Mariya G. Bistrina , Aleksei A. Ivannikov

RUDN University, Moscow, Russian Federation

 bistrina_mg@pfur.ru

Abstract. This study examines the concept of “hybrid war”. It is noted that this phenomenon is characterized by high complexity, dynamism, and a wide range of strategies employed. The key characteristics of hybrid wars are identified, with particular emphasis on their ability to rapidly adapt to changing conditions and the specifics of particular conflicts. The aim of the study is to identify the key mechanisms of hybrid wars, analyze their impact on state institutions and international organizations, and consider the most significant examples of the 21st century. The research is based on a comprehensive approach that includes the analysis of official documents, reports from international organizations, academic publications, and media materials. Methods of systematic and comparative analysis, induction, deduction, and generalization have been applied. As a result, the main features of hybrid wars have been identified, including information attacks, economic pressure, cyber influence, and the use of irregular armed groups. Examples of hybrid conflicts, such as the Syrian Civil War and the crisis in Venezuela, are analyzed. The role of international institutions in regulating such confrontations is highlighted. Special attention is given to the strategies of leading states in hybrid wars, their influence on international security, and the transformation of the geopolitical balance. The ineffectiveness of traditional conflict resolution mechanisms in addressing new challenges is demonstrated. In conclusion, it is noted that hybrid wars are becoming a dominant tool of geopolitical competition, necessitating a revision of international norms and the development of adaptive response strategies to protect national interests and ensure global stability.

Keywords: soft power, sanctions, color revolution, Russia, USA

Contribution. All the authors participated in the development of the concept of this review, data collection, processing and analysis, drafted the manuscript, and formulated the conclusions.

Conflicts of interest. The authors declare no conflicts of interest.

Article history:

The article was submitted on 12.02.2025. The article was accepted on 10.04.2025.

For citation:

Bistrina MG, Ivannikov AA. Hybrid wars: modern challenges and prospects. *RUDN Journal of Public Administration*. 2025;12(2):245–254. <https://doi.org/10.22363/2312-8313-2025-12-2-245-254>

Введение

В результате масштабных изменений и тенденций, наблюдаемых в последние десятилетия под воздействием глобализации и цифровой революции, заметной трансформации подвергаются формы, механизмы, инструменты, а также концепции национальных интересов и безопасности. Если на протяжении всей предыдущей истории главным средством их обеспечения выступала военная мощь, то в современных реалиях наряду с ней все большее влияние приобретают альтернативные методы и подходы. Особое значение начинают играть элементы так называемой «мягкой силы», среди которых следует выделить экономические и санкционные инструменты, механизмы имиджевого влияния, электронные технологии, пропагандистские стратегии, а также иные формы идеологического, информационного и культурного доминирования.

Объектом исследования выступает феномен гибридных войн в XXI в., включая формы, механизмы и инструменты их реализации в международных конфликтах. Методологический подход базируется на междисциплинарном анализе, сочетая системный, компаративный и структурно-функциональный методы. Также применены общенаучные методы, включая анализ и синтез, индуктивный и дедуктивный подходы, обобщение и систематизацию.

Гибридные войны

В последние десятилетия тема гибридных войн приобретает все большую актуальность, поскольку становится одним из наиболее распространенных инструментов межгосударственного соперничества. Это в значительной степени обусловлено динамикой международных процессов, которые не только изменяют формат взаимодействия на мировой арене, но и вносят коррективы в сами принципы и механизмы глобализации [1. С. 40].

О.В. Тиханычев в статье «Гибридные» войны: история, современное состояние, основы противодействия» приводит ряд определений термина «гибридная война» (англ. «hybrid warfare»), отмечая, что данный феномен представляет собой форму агрессивных действий, при которой атакующая сторона избегает классического военного вторжения, но оказывает давление на противника через скрытые операции, диверсионную деятельность, кибератаки и поддержку повстанческих группировок, ведущих подрывную деятельность на территории оппонента [1].

Западные исследователи предлагают альтернативную трактовку, делая акцент на сложности сочетания закрытых и открытых форм противоборства. При этом подчеркивается, что ответственность за диверсии, провокации и конфликты становится менее очевидной, поскольку стоящие за этими действиями силы намеренно скрывают свои истинные мотивы и участие в эскалации напряженности [2].

Дополняя приведенное выше определение гибридных войн, следует обратить внимание на трактовку, представленную в справочнике

«Military Balance». Акцент делается на комплексном использовании как военных, так и невоенных средств в рамках интегрированной стратегии, направленной на достижение внезапности, захват инициативы и создание психологического превосходства. В данном контексте задействуются дипломатические ресурсы, широкомасштабные информационные, электронные и кибероперации, а также механизмы скрытого прикрытия военной и разведывательной активности, дополняемые экономическим давлением [1].

Анализ современных гибридных войн позволяет выделить несколько ключевых характеристик данного феномена. Во-первых, это размытость границ, при которой становится невозможно четко различать состояния войны и мира. В результате теряется способность зафиксировать момент начала открытого вооруженного противостояния, что существенно осложняет процесс мирного урегулирования еще на ранних стадиях конфликта. Сложившаяся ситуация создает эффект перманентного, скрытого противостояния, которое в любой момент может перерасти в полномасштабный кризис с масштабными последствиями.

Во-вторых, одной из принципиальных особенностей гибридных войн выступает неопределенность в вопросе установления ответственности. Намеренно создается ситуация, в которой невозможно однозначно идентифицировать ключевых акторов, разжигающих конфликт. Это сознательная стратегия, затрудняющая применение ответных мер в отношении главных участников гибридного воздействия. Государства, подвергающиеся систематическому давлению со стороны внешних сил, зачастую не могут оперативно и достоверно идентифицировать организаторов или спонсоров деструктивных действий. В таких условиях инициатор конфликта сознательно запутывает ситуацию, создавая ложные следы и препятствуя выработке эффективного ответа со стороны жертвы агрессии [3].

Для глубокого понимания природы гибридных войн важное значение имеет их систематизация, выявление ключевых взаимосвязей и составляющих данного феномена. Центральным элементом подобного противостояния выступает привлечение военизированных формирований и вооруженных групп, действующих в обход официальных государственных структур. При этом не допускается прямая ассоциация данных сил с ключевыми игроками конфликта, что позволяет скрыть подлинные цели инициаторов. В результате достигается стратегическая задача — поддержание нестабильности и перевод локального противостояния в состояние затяжного конфликта без явного и открытого военного столкновения [4].

Помимо этого, одной из определяющих характеристик гибридных войн становится использование информационных атак, значимость которых многократно возросла в эпоху цифровых технологий и глобальной сети. В условиях информационного общества манипуляции с фактами, распространение дезинформации и внедрение новых технологических методов воздействия приобрели особую остроту, что позволяет рассматривать информационные

войны как ведущий инструмент современных гибридных конфликтов. Неслучайно в актуальной политической повестке утвердился термин «эпоха постправды», отражающий феномен массового влияния дезинформационных кампаний на общественное сознание [5]. Сам тот факт, что гибридные войны все больше опираются на контроль информационного пространства, демонстрирует масштабные изменения в международных отношениях, произошедшие за последнее столетие [6].

Неотъемлемым компонентом современных гибридных войн, безусловно, выступает сфера экономических взаимоотношений между государствами. Одна из древнейших форм соперничества — борьба за ресурсы и влияние — сохраняет свою актуальность. Однако с развитием технологий и усложнением глобальных связей она претерпела значительные изменения.

Ресурсное противоборство принимает новые формы, среди которых особое место занимают энергетические, транспортные и информационные блокады (санкции). Эти инструменты позволяют нанести серьезный ущерб противнику без необходимости официального объявления войны. Характерной чертой гибридных войн также является их опосредованный характер — нередко они ведутся через третьи силы или на территории сторонних государств, что позволяет инициаторам оставаться в тени и избегать прямой ответственности за эскалацию конфликта¹.

Анализ ключевых элементов, составляющих основу гибридных войн, подтверждает, что силовое воздействие остается одной из их важнейших составляющих. В частности, на современном этапе активно применяется практика использования наемников. Несмотря на то, что еще в 1977 г. наемничество было официально запрещено рядом международных документов, включая Конвенцию ООН, этот механизм продолжает широко использоваться в вооруженных конфликтах. Документы ООН подчеркивают, что наемные формирования вербуются, финансируются и обучаются для действий, нарушающих принципы международного права, включая суверенное равенство государств, их политическую независимость и территориальную целостность. Более того, подобная деятельность рассматривается как преступление, представляющее серьезную угрозу для мирового сообщества. В связи с этим государства обязаны либо привлекать к ответственности лиц, причастных к вербовке и финансированию наемников, либо осуществлять их экстрадицию².

Особую обеспокоенность вызывает тот факт, что современные нелегальные международные структуры все чаще объединяют торговцев оружием, наркотиками и наемников для реализации насильственных сценариев,

¹ История Второй мировой войны 1939–1945 : в 12 томах / под ред. А.А. Гречко. М. : Воениздат, 1974. Т. 2. 474 с.

² Международная конвенция о борьбе с вербовкой, использованием, финансированием и обучением наемников. Принята резолюцией 44/34 Генеральной Ассамблеи от 4 декабря 1989 года // Официальный сайт ООН. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/mercen.shtml (дата обращения: 10.01.2025).

угрожающих конституционному порядку отдельных стран. В связи с этим принятие конвенции о противодействии наемничеству было направлено на искоренение этой дестабилизирующей практики. Однако, несмотря на международные запреты, наемные вооруженные группы продолжают оставаться действенным инструментом гибридных войн, позволяя инициаторам скрывать свое непосредственное участие в конфликте³.

Гибридные деструктивные структуры проявляют себя в широком спектре противозаконной деятельности, охватывающей различные формы подрывных действий. Они могут участвовать в террористической деятельности и актах насилия, инициировать «цветные» революции, организовывать незаконный оборот наркотиков, а также осуществлять кибератаки и мошеннические схемы. Помимо этого, такие образования часто используют нестандартные методы пополнения своих рядов, включая вербовку как заключенных, так и влиятельных общественных фигур. Подобная тактика позволяет не только расширять собственное влияние, но и затруднять выявление истинных организаторов, что делает гибридные угрозы особенно опасными в современных условиях⁴.

В современных условиях гибридные стратегии находят все более широкое применение, что подтверждают крупные международные кризисы XXI в. Яркими примерами таких конфликтов стали гражданская война в Сирии, начавшаяся в 2011 г., политический и экономический кризис в Венесуэле с 2013 г.

Гражданская война в Сирии, начавшаяся в 2011 г., превратилась в арену гибридного противостояния множества сторон. Россия, США, Иран и Турция использовали прокси-группы, частные военные компании (ЧВК) и информационные операции для продвижения своих интересов. ЧВК «Вагнер» активно участвовала в боевых действиях, поддерживая легитимный режим Башара Асада и защищая контроль сирийского государства над нефтяными месторождениями. США и их союзники помимо активного военного вмешательства в суверенитет страны и бомбардировок гражданских и инфраструктурных объектов оказывали поддержку сирийской оппозиции и курдским формированиям, одновременно ведя кибератаки на инфраструктуру сирийского правительства и используя экономические санкции, террористические атаки и заказные убийства. Террористические организации применяли методы информационной войны, вербовку через соцсети и теракты за пределами Сирии, что также стало элементом гибридного конфликта. Вмешательство Турции и Ирана усилило многослойность войны, превращая ее в сложный узел военно-политических интересов, где официальные и неофициальные акторы использовали самые разные тактики: от дезинформации до прямого военного вмешательства [7; 8].

³ *Силантьев Р.А., Малыгина И.В., Полетаева М.А., Силантьева А.И.* Основы деструктологии : учебник. М. : Изд-во М.Б. Смолина, 2020. 204 с.

⁴ Там же.

Еще одним ярким примером гибридных войн стал кризис в Венесуэле, где противостояние развивалось без масштабных боевых действий, но с активным использованием политического давления, экономических санкций, кибератак и информационной войны. С 2019 г. гибридное противостояние в стране достигло нового уровня. 23 января 2019 г. лидер оппозиции Хуан Гуайдо объявил себя временным президентом, получив признание со стороны США, Канады, отдельных стран Латинской Америки и Европейского союза. В ответ Россия, Китай, Иран и Турция продолжили поддерживать Николаса Мадуро как законного главу государства, оказывая ему экономическую и дипломатическую помощь. Введение санкций США в январе 2019 г. против венесуэльской нефтяной компании PDVSA нанесло серьезный удар по экономике страны, однако Россия способствовала обходу ограничений. Параллельно развернулось информационное противостояние: западные СМИ акцентировали внимание на репрессиях против оппозиции, тогда как Мадуро обвинял Вашингтон в попытке организовать государственный переворот [9; 10].

Одним из ключевых событий стало масштабное отключение электроэнергии в марте 2019 г., охватившее почти всю территорию Венесуэлы. Власти страны заявили, что причиной стали кибератаки на национальную энергосистему, что рассматривалось как элемент гибридного воздействия. Таким образом, венесуэльский кризис продемонстрировал применение гибридных стратегий, где политическая дестабилизация, экономическое давление, информационные кампании и кибервоздействие используются в борьбе за влияние без прямого военного столкновения [10].

Следует подчеркнуть, что слабость демократических институтов в условиях гибридных конфликтов проявляется не только в манипуляциях общественным сознанием, но и в ослаблении доверия к международным организациям, а также в целенаправленном использовании юридических механизмов в интересах отдельных государств. В частности, Совет Безопасности ООН зачастую оказывается неспособным к принятию консолидированных решений из-за права вето постоянных членов. Например, в ходе сирийского кризиса США, Великобритания и Франция неоднократно накладывали вето на резолюции, предложенные Россией и Китаем, что фактически блокировало попытки принятия единых мер по деэскалации конфликта. В результате создается впечатление неэффективности международных структур перед лицом гибридных угроз, что позволяет государственным акторам продолжать политику вмешательства без серьезных международных последствий [11].

Также можно привести в пример Международный валютный фонд (МВФ), который нередко рассматривается как инструмент геэкономического давления. В 2018 г. Украина получила многомиллиардный кредит от МВФ при условии проведения реформ, согласующихся с западной экономической моделью, что укрепило ее финансовую систему и позволило избежать дефолта. В то же время Венесуэле, столкнувшейся с тяжелейшим

экономическим кризисом, в аналогичном финансировании было отказано, что официально объяснялось политической нестабильностью, но фактически указывало на идеологическую предвзятость. Подобная избирательность решений формирует почву для обвинений в двойных стандартах, которые активно используются в информационной войне против Запада, подрывая доверие к международным финансовым институтам и их нейтральности [12].

Таким образом, гибридные войны продолжают эволюционировать, охватывая новые сферы, включая киберпространство и информационные технологии. В ближайшем будущем, вероятно, следует ожидать усиления использования искусственного интеллекта в анализе больших данных, управлении информационными кампаниями и создании дезинформационных стратегий. Кроме того, распространение квантовых вычислений может привести к изменению методов защиты данных и перехвата стратегической информации. Международные организации и государственные институты столкнутся с необходимостью пересмотра существующих доктрин безопасности и разработки новых механизмов реагирования [13].

Основными вызовами остаются сложность выявления источников гибридных атак, их быстрая адаптация к меняющимся условиям и нарастающее влияние когнитивных войн. Последние включают манипуляцию общественным сознанием, подрыв доверия к государственным институтам и влияние на принятие решений через дезинформацию. Для противодействия таким угрозам необходимы комплексные меры, включая развитие кибербезопасности, укрепление системы международного права и внедрение адаптивных стратегий реагирования. Например, НАТО активно развивает программы по информационной защите и противодействию когнитивным войнам, а ведущие мировые державы инвестируют в технологии искусственного интеллекта для обнаружения и нейтрализации деструктивных информационных потоков. В условиях растущей гибридной конфликтов только комплексный и многоуровневый подход позволит минимизировать риски и защитить национальные интересы [14; 15].

Заключение

Таким образом, эпоха гибридных войн далека от своего завершения, поскольку находится на самом пике своего развития и осложняется накопившимися глобальными проблемами. Основное решение на сегодняшний день видится только на базе общекультурного и гуманистического диалога на всех уровнях политического, экономического, законодательного, экологического, социокультурного взаимодействия различных государств и народов. Последние мировые события, протекающие на уровне макроэкономических тесных государственных связей, показали, как могут быть опасны конфликты, сопровождающиеся гибридными войнами, и к каким последствиям могут

привести разрывы в отношениях между важнейшими субъектами, располагающими основными ресурсными запасами земли.

В связи с этим, вопросы противодействия и регулирования в информационно-психологической войне как составной части гибридной агрессии должны быть выделены в качестве одного из приоритетных направлений анализа при выработке эффективных адаптационных мер. Не всегда достаточная результативность государственной информационной политики в условиях ведущейся против России гибридной войны обусловлена тем, что традиционные формы и методы политического регулирования оказываются неэффективными в условиях изменившейся парадигмы современных конфликтов.

Решение данных вопросов напрямую связано с бережным отношением к человеческому капиталу, переосмыслением смысловых установок, объединяющих человечество, и формированием новой цивилизационной системы ценностей, основанной на диалоге и взаимном доверии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Тиханьчев О.В. «Гибридные» войны: история, современное состояние, основы противодействия // Национальная безопасность / Nota bene. 2019. № 1. С. 39–48. <https://doi.org/10.7256/2454-0668.2019.1.28100> EDN: YXUQHZ
2. Маркус Дж. Гибридная война Путина — головная боль НАТО // Сайт BBC. URL: http://www.bbc.com/russian/international/2014/12/141106_nato_russian_strategy
3. Биляль А. Гибридная война: новые угрозы, сложности и «доверие» как антидот // NATO Review. 2021. URL: <https://www.nato.int/docu/review/ru/articles/2021/11/30/gibridnaya-vojna-novye-ugro-zy-sloyonosti-idoverie-kak-antidot/index.html>
4. Панарин И.Н. Основы теории «гибридной войны» // Международное сотрудничество евразийских государств: политика, экономика, право. 2019. № 4. С. 58–70. EDN: YRVNOT
5. Harsin J. Regimes of posttruth, postpolitics, and attention economies // Communication, culture & critique, 2015. Vol. 8. № 2. P. 327–333. <https://doi.org/10.1111/cccr.12097>
6. Винокуров В.И. Сетевая дипломатия в борьбе против гибридных войн // Дипломатическая служба. 2016. № 1. С. 19–24. EDN: WAZMZF
7. Шульц Э.Э. Сирия: к пониманию причин гражданской войны // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2014. № 29 (266). С. 35–42. EDN: SHWSEP
8. Колобов О.А., Шульц Э.Э. «Арабская весна»: технологии бунта // Журнал политической философии и социологии политики «Полития. Анализ. Хроника. Прогноз». 2014. № 1 (72). С. 119–127. EDN: VBVUXN
9. Розенталь Д.М. Анатомия политического кризиса в Венесуэле // Пути к миру и безопасности. 2019. № 1 (56). С. 22–33. <https://doi.org/10.20542/2307-1494-2019-1-22-33> EDN: HGDHWY
10. Зверева В.С. Политический кризис в Венесуэле: проблемы и перспективы // Русская политология. 2019. № 4 (13). С. 53–58. EDN: OWMHR
11. Амлеева Е.Е., Афанасьева И.С. Реформирование совета безопасности ООН: к 70-летию окончания второй мировой войны и создания ООН // Вестник Санкт-Петербургской юридической академии. 2015. № 3(28). С. 9–15. EDN: UNIUTZ
12. Бартош А.А. Парадигма гибридной войны // Вопросы безопасности. 2017. № 3. С. 44–61. <https://doi.org/10.7256/2409-7543.2017.3.20815> EDN: YRGVON
13. Сухарева Е.И. Будущее за квантовыми компьютерами // Актуальные проблемы авиации и космонавтики : сб. материалов VI Междунар. науч.-практ. конф., посв. Дню космонавтики : в 3 томах / под общей ред. Ю.Ю. Логинова. Красноярск, 2020. Т. 2. С. 397–398. EDN: RBCVVQ

14. *Мокианов М.Г.* Актуальные вопросы противостояния гибридным войнам в условиях современной действительности // *Наука. Мысль*. 2015. Т. 5. № 3. С. 60–63. EDN: UMFOBH
15. *Лукьянов В.Ю.* Гибридные войны как угроза безопасности в XXI веке // *Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки*. 2021. Т. 21. № 3. С. 5–14. <https://doi.org/10.37482/2687-1505-V098> EDN: HARZMD

Информация об авторах:

Бистрина Мария Георгиевна — кандидат политических наук, старший преподаватель кафедры государственного и муниципального управления, Российский университет дружбы народов, Россия, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6 (ORCID: 0000-0001-5676-506X) (SPIN-код: 9692-1662) (e-mail: bistrina_mg@pfur.ru).

Иванников Алексей Алексеевич — магистрант 2 курса кафедры государственного и муниципального управления, Российский университет дружбы народов, Россия, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6 (e-mail: 1132237998@pfur.ru).